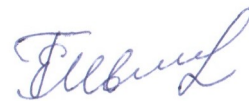

На правах рукописи

Герман Елена Ивановна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ:
КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕКСТОВЫЙ АСПЕКТ**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь 2022

Работа выполнена на кафедре русского языка и стилистики ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель:

Данилевская Наталия Васильевна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка
и стилистики ФГАОУ ВО «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Лаптева Мария Леонидовна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой современного
русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный университет
имени В.Н. Татищева»

Дунев Алексей Иванович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО
«Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет»

Защита состоится «22» сентября 2022 года в ... часов на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 при Пермском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.
Электронная версия текста автореферата диссертации размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

С.В. Шустова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования интенциональных категорий в текстах жанра нравоучительной проповеди, а также их взаимодействия с коммуникативными целеустановками автора речи.

Отмечая в целом интерес лингвистов к языку сферы религиозного взаимодействия, подчеркнем имеющуюся в настоящее время недостаточную разработанность вопроса о текстовых категориях, актуальных для процесса речеобразования в данной сфере. Вместе с тем изучение языка религии и определение его особенностей представляется невозможным без анализа специфики функционирования в нем тех средств, которые формируют речевую системность этого стиля, т.е. создают его типологические признаки.

Степень разработанности проблемы. Известно, что длительное время специфика функционирования языка церковно-религиозной деятельности не являлась для российских филологов объектом пристального внимания. Обычно религиозные тексты либо служили материалом для анализа отдельных языковых явлений, либо рассматривались в рамках публицистического стиля. В стилистических классификациях прошлого века отсутствовала и сама функциональная разновидность, которая обслуживает сферу религиозной коммуникации. Однако еще в 1960-е гг. М.Н. Кожина писала о том, что есть все основания выделять в качестве функционального стиля «стиль религиозный» [Кожина 1968].

В последнее время лингвистами предпринимаются попытки установить фундаментальные параметры религиозного общения как особого типа коммуникации, в связи с чем изучаются ее функции, базовые ценности, позиции и роли коммуникантов, специфические черты, коммуникативные стратегии, жанровая система, наконец, особенности употребления языковых и речевых средств. Избранный объект исследования определяет тот или иной подход к изучению языка религии. Сегодня можно говорить о следующих подходах:

1) **жанровый подход.** Направлен на изучение жанрово-образующих характеристик религиозного дискурса, определение коммуникативных задач и целеустановок, актуальных для того или иного жанра, описание структурно-семантических особенностей, прагматических потенциалов, языковых и речевых средств каждого из жанров, что позволяет систематизировать тексты религиозного дискурса на наиболее объективных основаниях [Набиева 1996; Агеева 1998; Прохвятилова 2000; Гольберг 2002; Со Ын Ен 2002; Ивойлова 2003; Мишланов 2003; Моллаева 2004; Расторгуева 2005; Крылова 2005; Салимовский 2005, 2008, 2010; Шабанова 2006; Ярмульская 2006; Бобырева 2007; Ицкович 2007, 2016; Щукина 2008, 2010, 2011, 2012, 2014; Савина 2009; Овечкина 2011; Звездина

2012; Бурцева 2012; Истомина 2013; Саломатова 2017; Медведева 2017; Петрушко 2018; Рядовых 2021 и др.];

2) *концептологический подход*, предполагающий исследование отражающихся в сакральных текстах основных ментальных стереотипов (концептов), характерных для религиозного сознания [Казнина 2004, Берендеева 2015 и др.];

3) *лингвоперсонологический подход*, в рамках которого изучаются особенности индивидуального стиля русских проповедников [Реморов 2003, Камышников 2006];

4) *сопоставительный подход*, исходящий из сопоставления религиозных текстов с текстами других дискурсов (в основном художественным и политическим) с целью выявления специфики религиозного дискурса [Бакши 2016, Орехова 2015];

5) *социолингвистический подход*, опирающийся на понятие религиозного социолекта, с помощью которого выявляются ценностные ориентиры разных религиозных деятелей в разных коммуникативных ситуациях [Бугаева 2008];

6) предпринимаются попытки создания целостной *стилистической теории религиозной коммуникации* посредством жанрово-стилистической систематизации религиозных текстов [Бобырева 2007, Худякова 2009, Ицкович 2016 и др.];

7) *категориально-текстовый подход*. Вопрос о категориях религиозного текста и их роли в процессе текстообразования в настоящее время остается недостаточно разработанным. Можно назвать здесь лишь две работы Т.В. Ицкович [2007, 2016], описавшей такие важнейшие категории проповеди, как *композиция, тональность, тема, время, пространство*. Однако внимание Т.В. Ицкович сосредоточено на жанре проповеди в целом, безотносительно к такой ее жанровой разновидности, как нравоучительная проповедь.

Все сказанное обуславливает **актуальность исследования**, которая заключается также в том, что, во-первых, религиозная коммуникация в последние годы претерпевает серьезные изменения, связанные с ее активным развитием как в богослужебной, так и в небогослужебной сферах; во-вторых, в небогослужебной сфере активно образуются новые жанры (конфессиональные газеты и журналы, православное телевидение и радио, интернет-общение), языковое своеобразие и богатство которых остается неисследованным; в-третьих, в настоящей работе представлен междисциплинарный подход к изучаемому феномену, позволяющий предложить комплексную методологию анализа репрезентации интенциональности в тексте православной проповеди с точки зрения функциональной стилистики, прагматики, социопсихолингвистики, грамматики, теории коммуникации, философии, речеведения, дискурсологии. Наконец, исследование языка текстов религиозной проповеди актуально в связи с тем, что в современном российском

обществе меняются место и роль религии как сферы социально-культурной деятельности.

Предлагаемый в работе категориально-текстовый аспект анализа зиждется на концепции Н.И. Клушиной, посвященном описанию парадигмы интенциональных текстообразующих категорий, характерных для публицистического текста как воздействующего на сознание адресата произведения. Принимая общий подход Н.И. Клушиной к осмыслению интенциональности в публицистическом тексте, исходим из того, что религиозный текст – и особенно текст проповеди – обладает не меньшей персуазивной силой, чем публицистический. В тексте религиозной проповеди, следовательно, интенциональные категории, в том числе сама интенциональность как текстообразующая (глобальная) категория, также являются структурно, семантически и функционально значимыми.

В речевой ткани текста проповеди интенциональность реализуется посредством специфических для нравоучительной проповеди *оценочности, тональности, диалогичности*, которые рассматриваются в работе в качестве частных (по отношению к глобальной категории интенциональности) категорий. Данный интенциональный комплекс реализуется в ткани текста посредством единиц разных языковых уровней, в том числе единиц речевых (собственно текстовых). При этом все средства интенционального комплекса тесно взаимодействуют друг с другом и, осмысленные сквозь функционально-стилистическую призму анализа, могут быть представлены в виде четырех функциональных семантико-стилистических категорий: *глобальная категория интенциональности* и составляющие ее структурно-смысловые компоненты – *категория диалогичности, категория оценочности, категория тональности*. Каждая из категорий принимает непосредственной участие в процессе текстообразования, т.е. выполняет текстостроительную функцию.

Новизна предлагаемого в диссертационном исследовании подхода определяется, во-первых, недостаточной изученностью языковой и содержательной специфики жанра нравоучительной проповеди; во-вторых, неразработанностью вопроса о текстовых категориях, актуальных для процесса речеобразования в данном жанре; в-третьих, отсутствием в современной научной литературе работ, специально посвященных анализу текстообразующей роли интенциональных категорий в жанре нравоучительной проповеди. К тому же комплексного изучения православной проповеди в категориально-текстовом аспекте ранее не предпринималось.

Объектом изучения является категория интенциональности и ее текстообразующая функция в рамках православной проповеди нравоучительного типа.

Предметом анализа выступают языковые и речевые средства, с помощью которых в текстах нравоучительной проповеди осуществляется формирование и

выражение интенциональности как глобальной авторской целеустановки, а также способы ее воплощения посредством системно организованных частных текстовых категорий диалогичности, оценочности, тональности в аспекте в аспекте их смыслоформирующей и текстообразующей роли.

Гипотеза предпринимаемого исследования заключается в том, что тексты нравоучительной проповеди структурируются под воздействием системно организованного комплекса специфических для данной коммуникации интенциональных установок, которые в рече-текстовой ткани произведения реализуются посредством специфических же языковых и речевых единиц.

Цель исследования – выявление, описание и систематизация языковых и речевых средств, репрезентирующих в текстовой ткани нравоучительной проповеди интенциональность как глобальную коммуникативную целеустановку автора в процессе развертывания «богоугодного» диалога с адресатом.

Поставленная цель определяет необходимость решения следующих **задач**:

1) осуществить обзор и систематизацию научных работ, относящихся к теме исследования, и обосновать теоретико-методологическую базу изучения интенциональности в категориально-текстовом аспекте;

2) обосновать понятие *интенциональности* как текстовой и функциональной семантико-стилистической категории текста религиозной нравоучительной проповеди;

3) описать структурно-содержательные особенности воплощения диалогичности, оценочности и тональности в текстах нравоучительной проповеди;

4) рассмотреть системные отношения внутри глобальной категории интенциональности с целью подтверждения ее системной организации;

5) проанализировать языковую и речевую специфику репрезентации интенциональных категорий в текстах нравоучительной проповеди;

6) установить текстообразующую роль категорий диалогичности, оценочности и тональности в процессе развертывания текстов нравоучительной проповеди;

7) определить лингво-когнитивные параметры текстообразующей функции категории интенциональности в текстах нравоучительной проповеди.

В соответствии с поставленными задачами в процессе работы были использованы следующие **методы исследования**: описательный метод с такими его специфическими приемами, как наблюдение и интерпретация; метод структурно-семантического анализа; метод функционально-стилистического анализа; метод дискурсивного анализа; метод полевого структурирования, а также контекстуальный и сопоставительный методы.

В качестве **материала исследования** использованы нравоучительные проповеди Александра Меня, Димитрия Смирнова (проповеди конца 80-х годов и более «современные»), протоиерея Андрея Ткачева, митрополита Николая

(Ярушевича). Всего было проанализировано 150 текстов проповедей, более чем 113 000 словоупотреблений.

Выбор текстов именно этих проповедников обусловлен тем, что каждый из них (на момент изложения проповедей) является опытным священнослужителем со сложившимся стилем проповедования и определенным подходом к пастве как адресату проповеди. Каждый из названных священнослужителей является популярным среди православной паствы и представителей других конфессий. Все это обусловило безупречное владение избранными священнослужителями религиозным стилем и нормами текстообразования в религиозной сфере деятельности.

Теоретико-методологическую базу составили исследования, посвященные проблемам истории философии и религии [Бахтин 1963; Бердяев 2003; Бубер 1992; Флоренский 2007; Франк 2000; Епископ Феодосий... 1999; Мень 2006; Мечковская 1998], когнитивным основам языковой деятельности [Выготский 1996; Кинцель 2000; Кожина 1986, 1995, 1996 и др.; Леонтьев А.А. 1969, 1997, 2001; Леонтьев А.Н. 1977; Лурия 1979; Поршнева 1979; Сахарный 1989 и др.], труды по теории лингвистики [Бахтин 1979, 1986, 1993; Лотман 1994; Щерба 1974 и др.], работы по теории дискурса [Алексеева, Мишланова 2002; Арутюнова 2002; Бенвенист 2009; Богданов 1993; ван Дейк 1989; Карасик 2002; Макаров 2003; Седов 1998, Чернявская 2001, 2006, 2013; Щукина 2012, 2014 и др.], исследования по стилистике текста [Данилевская 1991, 2005; Дускаева 2005, 2012, Кожина 1968, 1986, 1996, 1998; Т.В. Матвеева 1990; Салимовский 2002 и др.] работы, посвященные изучению религиозного дискурса [Бугаева 2010; Бобырева 2007; Ицкович 2007, 2016; Карасик 1999, О.А. Крылова 2000, 2001; И.А. Крылова 2005; Крысин 1996; Михальская 1992; Морозова 1998; Прохватилова 2006; Салимовский, Мишланов 2010, Щукина 2008, 2010, 2012, 2014 и др.].

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно вносит определенный вклад в изучение специфики современной религиозной коммуникации в целом и нравоучительной проповеди в частности. Немаловажное значение для теории религиозного стиля имеет также выявление, описание и систематизация особенностей языкового и речевого выражения текстообразующих интенциональных категорий, что позволяет более глубоко и детально описать категориально-текстовую специфику жанра, в том числе его речевую системность.

Практическая ценность настоящей работы определяется тем, что представленные результаты и выводы могут быть применены в учебных курсах по функциональной стилистике, лингвокультурологии и лингвистике текста, риторике и гомилетике.

Личное участие автора состоит в определении цели и задач исследования, формулировании научной гипотезы, выборе методологии работы; самостоятельном отборе, систематизации и анализе эмпирического материала; интерпретации

полученных результатов; формулировании выводов и положений, выносимых на защиту; представлении результатов исследования на конференциях; подготовке публикаций по результатам выполненного исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Нравоучительная проповедь как самостоятельный речевой жанр обладает собственными формально-стилистическими характеристиками. При этом важнейшим параметром смысловой структуры нравоучительной проповеди является образ автора и его ценностная целеустановка, которые определяют выбор темы, характер отбора средств и их сочетания в языковой ткани текста, а также особенности обоснования (доказательства) проповедуемых автором положений.

2. Категория **интенциональности** в тексте нравоучительной проповеди – это единство языковых и речевых (текстовых) средств, направленных на выражение в языковой ткани произведения коммуникативного намерения говорящего, авторского замысла в соответствии с нормами стиля и под воздействием комплекса экстралингвистических факторов, свойственных проповедованию как разновидности религиозной деятельности.

3. В жанре нравоучительной проповеди реализуются два типа интенции: 1) макроинтенция, или, иначе, глобальная интенция, представляющая собой основное, предопределенное стилем и жанром, речевое намерение автора текста – укрепить веру адресата в Бога, приблизить прихожанина к сакральному смыслу, научить жить по Богу и Высшей совести; 2) некоторый набор мини-, или, иначе, частных интенций.

4. Частные интенции рассматриваемого жанра представляют собой единство и взаимодействие трех более мелких по отношению к глобальной интенции, но конститутивных по своей роли авторских коммуникативных намерений – продуманное установление специфических для религиозной проповеди связей между *диалогическими позициями* коммуникантов, намеренное выстраивание специфического для жанра *аксиологического поля*, целенаправленно сформированная *тональность изложения*.

5. В рамках рассмотренной категориальной системы категория диалогичности выступает в качестве ядерной, поскольку присущая именно жанру проповеди специфическая трехкомпонентная диалогичность «проповедник – Бог – адресат» предопределяет особенности реализации в тексте категорий оценочности и тональности. При этом весь арсенал языковых и речевых средств, объединенных единой функцией выражения диалогичности, выполняет в тексте проповеди, подчиняясь задаче глобальной интенции, текстобразующую функцию.

Апробация работы. Основные положения настоящего диссертационного исследования были представлены в рамках студенческой конференции «Филологические проекции Большого Урала» (Пермь, 2009); международной научно-практической конференции «Медиа. Демократия. Рынок» (Санкт-

Петербург, 24–25 мая 2010 г.); Международной научной конференции, посвященной юбилею М.Н. Кожиной «Речеведение: современное состояние и перспективы» (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.); Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (Москва, 27–29 октября 2010 г.); V Краевой научно-практической конференции «Язык и духовность» (Пермь, 2011); Международного научно-практического семинара «Медиатекст как полиинтенциональная система» (Санкт-Петербург, 7–8 декабря 2011 г.); региональной студенческой конференции «Филологические проекции Большого Урала» (Пермь, 28–30 ноября); четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной коммуникации» (Нижний Новгород, 24 апреля 2013 г.); третьей международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2014 г.); XI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Майские чтения» (Язык и репрезентация культурных кодов) (Самара, 13–15 мая 2021 г.); научной конференции «Проблемы филологии глазами молодых исследователей» (Пермь, 14–15 мая 2021 г.), XVI научно-практической конференции «Язык и духовность» (Пермь, 4–7 мая 2022 г.).

По теме диссертации издано **15** публикаций общим объемом до 10 п.л., в число которых входят **3** статьи в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и списка исследованных текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, выбор его объекта и предмета, определяются теоретическая и практическая значимость, формулируются цель, задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту.

В **Главе I «Теоретический анализ религиозного дискурса в культурном и лингвистическом аспектах»** рассматривается общенаучная основа исследуемого вопроса, определяются используемые в работе понятия и термины, анализируются философские основания религиозной коммуникации как одной из важных конститутивных форм социальной деятельности, которая структурно, содержательно и функционально предопределена историческими и культурными условиями развития той или иной нации.

Параграф **1.1. Религиозный текст и религиозный дискурс: к обоснованию объекта исследования** посвящен выявлению особенностей соотношения понятий «текст – дискурс», «религиозный текст – религиозный дискурс». Функционально-

стилистический подход к феномену *дискурс* и опора на иные ведущие отечественные теории дискурса позволяет понимать **религиозный дискурс** как *обусловленный экстралингвистическими факторами процесс использования языка в религиозной практике людей, как речь, фиксирующую посредством вербальных и невербальных единиц особый ментальный (религиозный) мир, отражающий свой, специфический дух времени, свою, специфическую картину мира.* В соответствии с этим под **религиозным текстом** в работе понимается *целое (завершенное) произведение, обладающее единством поверхностной и смысловой структуры и фиксирующее посредством них специфическую для религиозной коммуникации речевую системность.*

Речевая системность религиозного дискурса определяется главной целью этого типа коммуникации – содействием священника единению человеческой души с Богом; в соответствии с этим основной задачей речевого взаимодействия в религии оказывается задача упрочения веры, или создания и укрепления союза человека с Богом.

В параграфе **1.2. Проповедь как речевой жанр и его структурно-смысловые особенности** продолжена характеристика нравоучительной проповеди, которая рассматривается как специфический жанр религиозной литературы. Дается обзор и анализ лингвистических направлений, посвященных изучению разных жанров религиозной коммуникации, анализируется проблема диалога и диалогичности в религиозном дискурсе.

Религиозная деятельность, как специфический и самостоятельный тип коммуникации, характеризуется собственными средствами и приемами реализации диалогичности. Главными качествами религиозного диалога являются красноречие, доброучастие по отношению к слушателю и обоснованность утверждений. Именно эти качества определяют степень успешности реализуемой в проповеди задачи.

С целью выявления специфики нравоучительной проповеди как исследуемого материала представлен содержательный анализ всех известных видов проповедей.

Параграф **1.3. Специфика диалога и диалогичности в религиозном дискурсе** посвящен определению особенностей религиозной диалогичности. Анализ показал, что характер ведения диалога с адресатом в религиозной проповеди по некоторым параметрам близок характеру ведения диалога в публицистическом (ориентация на коллективное сознание с целью воздействия на него), научном (стремление к доказательности и обоснованности суждений, умозаключений, выводов), официально-деловом (сознательное использование пояснений, уточнений, условно-следственных конструкций, рядов однородных перечислений) текстах. Эта близость объясняется пересечением (общностью) некоторых коммуникативных задач данных дискурсивных типов, как-то: воздействие говорящего на воспринимающее сознание адресата с целью «повести» его за собой и Богом; доказательство духовной и

гуманитарной (в том числе общечеловеческой) истинности суждений; необходимость логически продуманного изложения в целях усиления доказательной и воздействующей силы высказывания. Особенностью диалогичности религиозной проповеди является ее двунаправленность, обусловленная наличием третьего «коммуниканта» – Бога, который мыслится и проповедником, и паствой в каждом акте религиозной коммуникации. Это позволяет говорить о двух типах (векторах) диалогичности – вертикальной и горизонтальной.

Глава II «Текстообразующий потенциал интенциональности в жанре нравоучительной проповеди» направлена на раскрытие места и роли категории интенциональности в жанре нравоучительной проповеди.

Параграф **2.1. Интенциональность как функционально-стилистическая категория религиозного текста** содержит анализ современных лингвистических учений о понятии *категория*; рассматриваются особенности философского и лингвистического толкования категории; специальному рассмотрению подвергается категория интенциональности как основной объект исследования.

Известно, что под **интенцией** в лингвистике понимается внутреннее желание, интеллектуально-духовное намерение автора речи выразить посредством формальных языковых структур некоторую мысль/ощущение/чувство.

С учетом данных разных наук и подходов к изучению феномена интенции, а также в связи с основным – функционально-стилистическим – методом анализа и конкретными задачами исследования под **интенциональностью** в работе понимается *единство языковых и речевых (текстовых) средств, направленных на выражение в языковой ткани произведения коммуникативного намерения говорящего, авторского замысла в соответствии с нормами стиля и под воздействием комплекса экстралингвистических факторов.*

Специфика интенциональности, актуальной именно для нравоучительной проповеди, заключается в том, что, как было установлено в процессе исследования, коммуникативная ситуация проповеди «диктует» говорящему выстраивать диалог с адресатом, ориентируясь не только (и не столько!) на собственный замысел, сколько на главную цель православной проповеди – научить человека жить по Богу, приблизить прихожанина к вере, повести его за собой в мир добра и высшей духовности. Отсюда и специфическая для этого типа текстов структура интенциональности – единство и взаимодействие оценки, тональности и диалогичности.

В параграфе **2.2. Текстообразующая роль категории интенциональности в жанре религиозной проповеди** описана система актуальных для жанра нравоучительной проповеди частных категорий; установлены особенности соотношения авторской целеустановки как глобальной интенциональной категории с функционирующими в тексте частными интенциональными категориями;

описывается текстообразующий потенциал единства и взаимодействия интенциональных категорий в текстах нравоучительной проповеди.

В ходе исследования установлено, что в жанре религиозной нравоучительной проповеди существует одна **макроинтенция**, или, иначе, **глобальная интенция (замысел)**, и некоторый набор **мини-**, или, иначе, **частных интенций**. С учетом того что задачами нравоучительной проповеди являются борьба с человеческим грехом и научение человека основам духовного совершенствования (в соответствии с христианскими ценностями); а также того, что интенциональность – это обязательная направленность сознания на какой-либо объект действительности и осознанность целеполагания во взаимодействии с этим объектом, основной авторской целеустановкой в жанре нравоучительной проповеди является направленность сознания говорящего (автора речи) на трансляцию постулатов веры с целью формирования или изменения обыденного мышления адресата, его сакрального мироощущения и мистического опыта. При этом сверхзадачей речевой деятельности проповедника всегда выступает задача приобщения человека к вере или укрепления веры в Бога. Именно эта сверхзадача и представляет собой типичную для жанра нравоучительной проповеди **глобальную целеустановку (интенцию)** автора речи.

Параграф **2.3. Глобальная категория интенциональности как система частных текстообразующих категорий** направлен на выявление и общее описание частных категорий как компонентов глобальной категории интенциональности.

Установлено, что структура глобальной категории интенциональности включает в свой состав такие частные категории, как *диалогичность*, *оценочность*, *тональность*. Каждая из этих категорий принимает непосредственное участие в формировании и выражении специфической организации религиозного текста.

Под воздействием «религиозной» **диалогичности** в текстах проповеди как бы имитируется одновременно и разговорный, и научный, и медийный (в классической терминологии – публицистический) диалог. Поэтому в речевой ткани проповеди обнаруживают свою актуальность единицы и приемы разных стилей, но выполняющие задачи именно религиозной коммуникации – все средства подчинены воздействию на адресата с целью укрепления его веры в Бога. Реализованная в тексте посредством разных единиц и средств, диалогичность 1) непосредственно участвует в формировании условий для взаимодействия диалогических позиций автора и реципиента, а значит, создает предпосылки для укрепления взаимопонимания между ними, чем усиливает эффект и эффективность коммуникации; 2) способствует постепенному разворачиванию текста, осуществляет динамику его смыслового развития в полном соответствии с нормами и традициями духовного православного разговора о Боге и божественном, о сути и смысле жизни. Таким образом, в текстах проповеди диалогичность «отвечает» за **создание духовно-доверительного**

диалога. А следовательно, категория диалогичности, а именно весь арсенал языковых и речевых средств, объединенных единой функцией создания доверительного диалога, выполняет в проповеди текстообразующую функцию.

В силу специфической роли диалога в религиозной проповеди, высокой значимости здесь процесса экспликации в текстовой ткани диалоговых позиций коммуникантов и их духовно-интеллектуальной связи категория диалогичности играет – по отношению к другим частным категориям интенциональности – ведущую роль. Диалогичность является **ядерной** категорией среди других частных категорий и предопределяет их структурно-содержательную специфику, т.е. специфику оценочности и тональности.

Реализованная в тексте посредством разных единиц и средств *оценочность* также является одним из инструментов выражения интенциональности как базовой категории нравоучительной проповеди. Оценочность 1) непосредственно участвует в формировании диалогических отношений «автор речи – воспринимающий», поскольку направлена на создание в сознании слушателя определенного понимания позиции Бога и проповедника по отношению к тем или иным фактам действительности; 2) способствует постепенному развертыванию текста, осуществляет динамику его смыслового развития в полном соответствии с оценочными ориентирами, культурно-национальными и духовными ценностями, транслируемыми в рамках сонаправленного трехстороннего диалогического единства «Бог – проповедник – человек».

Тональность, как третья из частных текстовых категорий жанра проповеди, связана с выражением в тексте собственно авторского видения предмета мысли. Причем в это авторское видение включены – как обязательные компоненты – направленность говорящего на адресата и возникающие в процессе речи эмоции. Иначе говоря, категория тональности выстраивается (конкретизируется в тексте) на основе первых двух частных категорий – диалогичности и оценочности. Тональность в тексте проповеди реализуется в трех разновидностях – тональность *дидактическая*, *благоговейная* и *индивидуально-авторская*. Указанные три разновидности тональности детерминированы коммуникативными целями и задачами жанра проповеди. Ключевой разновидностью тональности, актуализируемой в тексте нравоучительной проповеди, является тональность *дидактическая*, что обусловлено коммуникативными задачами, реализуемыми в данной жанровой разновидности проповеди.

Каждая из категорий выполняет свою собственную функцию в установлении диалога с адресатом, поскольку каждая связана с определенным аспектом коммуникативного акта:

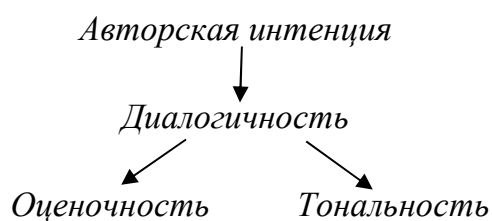
– **диалогичность** устанавливает интеллектуально-духовную связь, с одной стороны, между автором речи и слушателем/читателем, с другой – между двумя «земными» коммуникантами и присутствующим третьим «коммуникантом» – Богом.

– **оценочность** выражает аксиологический аспект религиозной коммуникации, отражая в тексте оценку говорящим духовного состояния адресата с призывом последнего к рефлексии;

– **тональность**, помогающая создать определенный эмоциональный фон речи, отражает одну из главных особенностей религиозной коммуникации – трехстороннюю модальность общения: Бог (благоговейная тональность), паства (дидактическая тональность), проповедник (индивидуально-авторская тональность). При этом ключевым типом тональности нравоучительной проповеди является дидактическая тональность, поскольку именно она принимает непосредственное участие в оформлении диалогических позиций «адресант – адресат», реализуя основополагающую функцию нравоучительной проповеди.

Разграничение интенциональности на частные составляющие (диалогичность, оценочность, тональность) в определенном смысле условно. В реальной речевой практике эти категории тесно переплетены и взаимосвязаны, но вместе с тем их разграничение позволяет исследовать конкретный вектор интенции автора, задача которого – при всем трехголосии жанра проповеди – объединить в одну неразрывную линию смысловые позиции всех участников религиозной коммуникации.

Систему категорий, реализующих авторскую интенцию в тексте религиозной проповеди, схематично можно представить следующим образом:

Как видно, оценочность и тональность являются как бы вторичными по отношению к диалогичности, поскольку их специфика предопределяется спецификой религиозной (и именно проповеднической) диалогичности. При этом объектом оценки в проповеди является исключительно человек, его духовное состояние, его отношение к жизни, к современной действительности. Преломляясь сквозь дидактическую тональность, вербально представленные и логично выстроенные в рамках повествования оценочные смыслы как бы возвращаются к позиции автора, демонстрируя его коммуникативную интенцию.

Выстраивая диалог с паствой, проповедник, сначала обозначает проблему (через оценку), а затем указывает пути ее решения (через дидактическую тональность).

В Главе III «Речевая реализация интенциональности в смысловой структуре нравоучительной проповеди (категориально-текстовый подход)» представлен языковой и речевой анализ практического материала в соответствии с поставленными исследовательскими задачами: выявлены виды и функции интенциональных категорий диалогичности, оценочности и тональности в процессе текстообразования нравоучительной проповеди; рассмотрены способы воплощения интенциональных категорий в тексте.

Параграф 3.1. **Интенциональные категории текста проповеди как системное единство** посвящен обоснованию системно-текстовых отношений анализируемых категорий посредством метода полевого структурирования.

В параграфе 3.2. **Категория оценочности в текстах проповеди** рассматриваются языковые и речевые способы репрезентации оценки.

Доказано, что средствами выражения оценки (оценочности) в проповеди могут выступать элементы всех уровней языковой системы – от интонации, морфемы до целостных высказываний или текста, но все они будут входить в семантическое поле логической дихотомии «хорошо – плохо», которая в рамках религиозной коммуникации, с учетом выражения оценки с точки зрения христианского вероучения, трансформируется в дихотомию «греховно (безнравственно, аморально) – праведно, законно (согласно Закону Божьему)». Анализ проповедей позволил выявить такие разновидности оценок, как явная/неявная, позитивная/негативная. Единицы явной оценки (которая является ключевой) могут быть выражены языковыми и речевыми средствами.

Известно, что употребление стилистически сниженной лексики в целом не свойственно речевой специфике религиозной коммуникации, потому что не согласуется ни с ее целями и задачами, ни с традициями самой церковно-религиозной деятельности. Поэтому единицы с пейоративной (негативной) оценкой не являются характерными средствами выражения оценки в проповедях. Сама коммуникативная ситуация, в которой функционирует жанр нравоучительной проповеди, и сущность ролей участников коммуникативного взаимодействия предполагают (в первую очередь со стороны проповедника, поскольку именно он является здесь «речетворящим» субъектом) деликатный, доброжелательный тон общения, умение выражать критику, не оскорбляя при этом «собеседника».

Однако единичные случаи употребления пейоративов все же иногда обнаруживаются и в этих текстах, ср. такие встретившиеся нам в изученном материале лексемы, как *проматывать*, *пропитошка*, *сброд*, *негодяй*, *душонка*, *хамский*, *поганый*, *иметь наглость*, *дрянь*, *мерзопакостный*, *омерзительное состояние* и под. В количественном отношении такие единицы значительно уступают единицам со стилистически нейтральной и стилистически возвышенной окраской. Более того, использование пейоративов в текстах проповедей является

эпизодическим и, как правило, связано с фрагментами особого эмоционального напряжения в развитии повествования.

Мелиоративная (с положительной семантикой) лексика служит в текстах проповеди, как правило, способом выражения позитивной оценки человека и представляет собой средство гармонизации отношений в рамках диалогического вектора «адресант – адресат».

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОСТИ

На **словообразовательном** уровне оценка реализуется прежде всего посредством использования суффиксов, выражающих в контексте изложения уничижительно-уменьшительное значение:

Люди готовы за здоровьчко платить любые деньги; ...человек пристрастен к своим греховным привычкам, к вкусненькому, к красивенькому, ко всему спокойненькому, чтобы его все ласкало и утешало и др.

На **лексическом** уровне оценка представлена единицами различных частей речи:

Мы погружаемся в суету...; Церковь призывает нас бороться с пустословием и празднословием, болтовней, употреблением дара языка во зло себе; наше поганое, неблагодарное, совершенно свинское отношение к Богу; И то, что мы ходим в храм и что-то из себя изображаем, улыбаемся, прикидываемся кроткими... и др.

Фразеологические средства выражения оценки:

Ты посмотри на свою душу, сколько в ней зла, ненависти и всякого хамства, грубости! Чтобы эти авгиевы конюшни, полные навоза, очистить, сколько тебе времени понадобится! Мы все, иваны не помнящие родства, забыли своих родственников по плоти... и под.

К **синтаксическим** средствам выражения оценки отнесены случаи, когда относительно полный оценочный смысл выражается не отдельным словом или сочетанием слов, а частью синтагмы, в виде которой выступают простые предложения или части сложного предложения:

Но мы, как люди грешные, постоянно творим свои желания и этим часто оскорбляем Бога, поскольку желания наши вступают в противоречие с волей Божией; Так мы придем к вечности – с пустой душой, с душой, в которой даже искорки Божией нет и др.

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОСТИ

1. **Сравнительно-сопоставительное выстраивание частей изложения**, или, иначе, **прием сравнения**

1) с персонажами евангельских притч (эксплицирующими как положительный, так и отрицательный пример):

Страдали и два разбойника, распятые рядом с Господом. Какой из них похож на нас? Один был полон только злых чувств, и страдание его не было истинным Крестом; а другой что-то понял, что-то у него в душе перевернулось, и он, умирая, сказал такому же умирающему, в котором распознал Божия

Избранника: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царство Твое» (Лк.23:42). Вот и мы с нашими скорбями, должны стараться, чтобы это была не просто тягота, не просто болезнь, не просто огорчение, а Крест, чтобы в этой тяготе мы сказали: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствие Твое»;

2) с каноническими фигурами. Такие сравнения всегда направлены на создание именно положительной оценки высказывания:

Вот как Иоанн Кронштадтский: он, когда Божественную литургию служил, эту Чашу обнимал, он ее целовал, поливал ее слезами – такая была у него любовь ко Христу. А мы? Мы можем и потолкаться, и свечами заниматься, и чем-то шуришать, и о чем-то думать... Выходит сам Христос... А нам все равно, мы даже покаяться не хотим;

3) со «светскими» персонами, в лице которых выступают известные исторические лица (в том числе прославленные в лике святых) и литературные герои:

...мы прославляем Александра Невского не за победу на Чудском озере или за его победу над шведами – это есть гражданское прославление человека – а мы прославляем его за победу над собой, над гордостью князя, гордостью воина!

2. Введение в контекст метафоры.

Но мы с вами – люди, и самый великий грех против нашего человеческого достоинства – это равнодушие, когда мы становимся подобны стихии, или камню холодному, или огню пожирающему, или топящей воде.

3. Лексический и синтаксический повторы.

Когда годы сгибают спину, когда разлуки, огорчения, оскорбления, обиды, разочарования – все то, что омрачает нашу жизнь — ложится на душу, как камень, когда нас точит и горе, и уныние, и пустая серость жизни, когда мы действительно похожи на мертвецов, на паралитиков, на неисцелимо больных, вспомните, что есть у нас единственное Имя, сладчайшее (лексический повтор – полисиндетон);

Кто из нас не знает, как тяжелы эти камни, кто из нас не знает, как слаб человек, кто из нас не знает, что мы тысячу раз пытались освободиться от грехов, отряхнуть их с себя, но они вновь повисали на нас, и вновь мы или согбенные и влачили мерзкий груз, черный и грязный (синтаксический повтор).

4. Прием аналогии:

И все это отгораживает нас от нашего Господа, отрывает от молитвы, закрывает небо, будто дым из трубы, поднимаясь, застигает свет солнечный. А что такое дым? Это мелкие черные частички – вот так и наши грехи и наша суета бесконечная, как дым, поднимается и все заволакивает... и др.

В текстах нравоучительной проповеди оценка преимущественно является **эксплицитной**, поскольку напрямую, явно для адресата реализует авторскую интенцию. Что касается способов выражения имплицитной оценки, то здесь «работают» лишь речевые средства ее реализации, поскольку семантика оценки в данных случаях выражена в высказывании проповедника в целом, контекстно, а не отдельными единицами. Зачастую средствами неявной оценки выступают различные профанные иллюстрации, отмеченные оттенком иронии:

Человек стоит и о чем-то мечтает... Батюшка вышел – заметил, какие у батюшки ботинки. Вроде новые или нет, нет, старые, просто почистил.

В целях создания функционально-семантического поля категории оценочности были изучены 50 текстов нравоучительных проповедей (разных авторов).

В **яерную зону** вошли языковые единицы – лексические средства, в логико-понятийном значении которых отражена семантика позитивной или негативной оценки. Это:

1) одиночные лексемы – имена существительные и прилагательные, а также лексемы в составе словосочетаний (в том числе причастных оборотов, например: *будучи людьми, ... не имеющими на душе даже светлого пятна*) – 86 единиц, или 33 % от общего количества оценочных средств;

2) синтаксические средства (простые предложения, части сложного предложения), в которых оценка выражается контекстно, а не отдельной лексемой – 38 единиц, или 14,7% от общего количества оценочных средств.

В **зону ближайшей периферии** вошли фразеологические единицы, всего 21 случай, или 8 % от общего количества рассматриваемых единиц.

Зону единиц **дальней периферии**, реализующих категорию оценочности, составили словообразовательные средства, поскольку их количественная представленность в проанализированных текстах оказалась наименьшей – всего 8 единиц, или 3 % от общего количества оценочных средств.

Что касается речевых средств, то среди них **ядерными** выступают:

1) личностные блоки, через которые реализуется прием сравнения. Здесь наиболее частотными являются сравнения с персонажами притч и каноническими фигурами – 24 случая, или 9 %;

2) метафорические средства, отражающие в целом метафоричность и образность языка проповедей – 31 единица, или 12 % от общего числа оценочных единиц.

Зону ближайшей периферии формируют:

1) прием аналогии – 20 случаев употребления, или 8 %. Небольшая частотность приема аналогии объясняется тем, что данный прием реализует свой персуазивный потенциал в большей степени при репрезентации категории тональности;

2) разного рода иллюстрации – всего 16 случаев, или 6 % от общего числа оценочных единиц. Профанные иллюстрации выявлены в проповедях только одного автора, что также можно отнести к средствам реализации индивидуально-авторской речевой манеры.

Зона дальней периферии речевых средств реализации оценочности состоит из лексических и синтаксических повторов – всего 13 случаев употребления, или 5 % от общего количества рассматриваемых единиц. Достаточно небольшое количество

повторов оценочной семантики объясняется тем, что собственно оценочная семантика чаще всего сосредоточена в отдельных словах или их сочетаниях, входящих в «структуру» повтора, в связи с чем сам повтор не рассматривается как оценочное средство, а входящие в его структуру оценочные единицы зачисляются в ядерную зону данной категории. Повторы именно с оценочным значением немногочисленны, однако их использование является способом усиления воздействия на адресата. См. рис. 1:

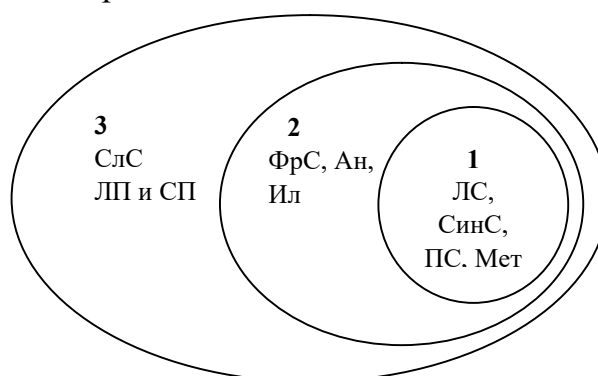

Рис. 1. Полевая структура категории оценочности.

1 – ядерная зона, 2 – зона ближайшей периферии, 3 – зона дальней периферии.

Языковые средства: СлС – словообразовательные, ЛС – лексические, ФрС – фразеологические, СинС – синтаксические.

Речевые средства: ПС – прием сравнения, Мет – метафоры, Ан – аналогия, ЛП и СП – лексические и синтаксические повторы, Ил – иллюстрации

В параграфе **3.3. Категория тональности в текстах проповеди** представлен анализ способов выражения тональности, которая реализуется с помощью разных языковых средств практически всех уровней языковой системы. При этом важно, что все средства, эксплицирующие дидактическую тональность, в контексте высказывания направлены на побуждение адресата к анализу его жизненных установок и реализации этих установок в соответствии с нормами христианской морали.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ТОНАЛЬНОСТИ

На **лексическом** уровне отмечено частотное употребление лексем (как правило, глаголов) с семантикой размышления: *подумайте, задумаемся, размышлять, спрашивать себя* и др. При этом призыв к размышлению направлен на анализ ключевых категорий христианской религии – *вера, покаяние, душа*. Также отмечены случаи призыва к анализу поведения персонажей притч, выступающих в качестве примера (или контрпримера) определенного поведения (праведного или греховного).

Употребление лексем с семантикой размышления (*размышлять, думать, вдуматься* и др.) связано преимущественно с побуждением адресата к анализу своих отношений с Богом и окружающими людьми, своего поведения, ср.:

*Посмотрим, как мало времени мы уделяем **размышлению** о вечном...; ...мы проверяем свою совесть, когда как бы все промывается в нашей душе – через **размышление**, покаяние, стремление к новой жизни;*

*Нам надо стараться **вникнуть умом** в эти две великие заповеди: люби Бога и люби ближнего, как самого себя. В этом и весь закон, все пророки. Будем сейчас молиться Богу, **думать** о своих грехах... ;*

*Мы должны читать Евангелие каждый день, хотя бы по одной главе, читать сосредоточенно, со вниманием, **размышлять** и др.*

На **синтаксическом** уровне тональность воплощается следующим образом:

1) конструкции с семантикой долженствования, построенные по формуле «модальное слово + инфинитив».

*И каждый пост мы **должны встречать** так, как будто он последний в нашей жизни;*

2) побудительные предложения, которые также призваны указать определенный способ действий на пути к духовному совершенствованию:

*Конечно, мы люди грешные..., всё время отвлекаемся, забываем, с кем-то поругаемся иногда, осудим – но тут же **спохватись, покайся и начинай сначала, опять для Господа трудись**; Разгорячился – **сразу подумай**: кротость от меня ушла, это плохо, значит, я уже не воин Христов;*

3) сложноподчиненные предложения со значением условия.

*Так же и мы, **если преодолеем свою косность**, Он увидит нашу веру... И все препятствия, в конце концов, мы устраним; **Если мы не будем заставлять, принуждать себя** к молчанию, **если мы останемся подвластными** житейскому шуму, бесконечному бегу, **то** у нас вся жизнь пройдет на поверхности, без глубины, без духовности, без настоящей встречи с Господом и др.*

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ТОНАЛЬНОСТИ

Среди речевых средств реализации дидактической тональности в проповедях отмечено:

1) использование прямой речи:

*Да, Мои чада, – **говорит Господь**, – вы действительно ушли от Меня, вы действительно не шли по Моему пути, вы и все поколения не оказались достойными Моей любви. Но Моя любовь, любовь Божия, покрывает и поглощает ваши грехи;*

2) введение в повествование примеров из реальной пастырской жизни:

Не так ли многие из нас часто приходили к Господу, стыдясь и скрываясь. У меня до сих пор в памяти картина, которую я видел много лет назад. Это было далеко, в Сибири, на Пасху. Ночью церковь была заполнена, и люди стояли вокруг. И один профессор из института пришел и, как мытарь, стоял в толпе сзади, поднимая воротник, надвинув шапку. Он мелко крестился, оглядываясь по сторонам. Душа его тянулась к храму, но он боялся. Но можем ли мы осудить его? Ведь если бы тогда кто-нибудь его увидел там, наверное, он имел бы много горьких минут, неприятностей, а может, и вовсе лишился бы своей работы;

3) толкование религиозных терминов и понятий:

Гордыня ведь – это не обязательно надменность, гордыня не обязательно явное превозношение, а это может быть тайное чувство, которое гнездится в глубине сердца, и прежде всего это уверенность, что ты прав, что воля твоя – это самое главное и что твоя особа, твоя личность это то, к чему должны все стремиться, и на что должны все обращать внимание. Человек как бы носит сам с собой и в этом корень гордыни;

4) использование аналогий:

*Чтобы лучше понять, почему так происходит, можно привести **такой образ**: лежит на земле арфа с расстроенными струнами, и если рядом играть на настроенной арфе, то ослабленные струны первой арфы никак не звенят. Но если настроить каждую ее струну в унисон с настроенной струной и снова заиграть, то настроенные струны начнут отзываться и вибрировать, они начнут звучать, хотя мы их пальцем не треем. В физике такое явление называется резонансом. Нечто подобное происходит в духовной жизни.*

Наиболее частотными средствами реализации дидактической тональности являются речевые средства, а именно синтаксические единицы, выступающие в контексте не как предложения, а прежде всего как высказывания определенной коммуникативно значимой окраски. Эти единицы мы отнесли к **ядерной зоне** функционально-семантического поля категории тональности. Важно, что ядерная зона представлена высказываниями различной логико-интонационной семантики. Количественная представленность их следующая:

1) конструкции с семантикой долженствования – 126 единиц, или 30 % от общего числа средств выражения тональности;

2) побудительные предложения – 78 единиц, или 19 %;

3) СПП с семантикой условия – 98 единиц, или 24 %;

4) предложения с семантикой призыва – 22, или 5% от общего числа средств выражения тональности.

Кроме того, в ядерную зону входит такое речевое средство, как аналогия: всего в 50-ти текстах обнаружен 31 случай, или 8 % всех средств тональности. Это средство, наряду с синтаксическими единицами, широко используется в текстах проповеди именно как инструмент выражения дидактической тональности, более того, нередко все изложение проповеди строится на данном приеме (в частности, отмечено пятикратное использование аналогии в пределах текста одной проповеди).

Заполненность ядерной зоны поля категории тональности исключительно речевыми средствами позволяет утверждать, что при воплощении в тексте проповеди дидактической тональности (воспитательной интенции автора) именно они оказываются наиболее результативными, а потому, очевидно, и наиболее востребованными.

В зоне **ближней периферии** оказались также речевые средства, среди которых:

- 1) использование прямой речи в виде слов, произносимых от лица Христа либо Церкви, которые не являются цитацией Евангелия или других сакральных книг – 15 случаев, или 4 % от общего числа средств выражения тональности;
- 2) примеры из пастырской жизни – 20 случаев, или 5 %;
- 3) дефиниции – 18 случаев, или 4,5 % от общего числа средств выражения тональности.

Языковые средства выражения категории тональности оказались наименее частотными; эти средства представлены лексемами с семантикой размышления. Всего в 50-ти текстах выявлено 15 случаев употребления таких лексем, или 4 % от общего числа средств выражения тональности. В силу немногочисленности таких средств они отнесены к *зоне дальней периферии*. См. рис. 2.

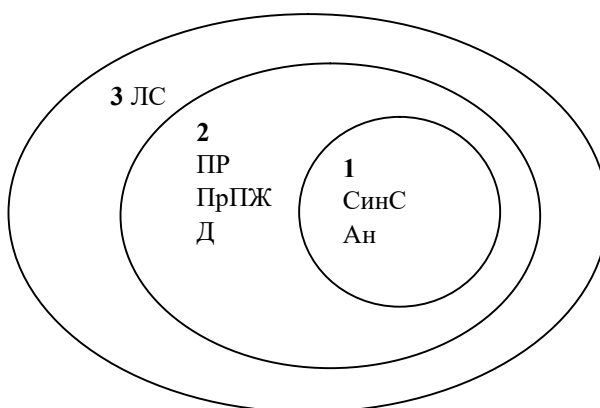

Рис. 2. Полевая структура категории тональности.

Обозначения: 1 – ядерная зона, 2 – зона ближайшей периферии, 3 – зона дальней периферии.

СинС – синтаксические средства, Ан – аналогия, ПР – прямая речь, ПрПЖ – примеры из пастырской жизни, Д – дефиниция, ЛС – лексические средства

В параграфе **3.4. Категория диалогичности в текстах проповеди** рассмотрены средства выражения диалогичности, среди которых:

1. Лексические средства. Здесь выделены следующие три подгруппы:

1) местоимения первого лица множественного числа:

Господь на нас всех, хотя мы люди грешные, и слабые, и часто неразумные, но Он на нас очень надеется. Для этого Он нас всех избрал, собрал нас всех в храм, хочет нас научить любви, хочет нас всех объединить, чтобы мы были как одна семья, чтобы мы друг друга знали, любили, заботились друг о друге, помогали, чтобы мы составили вот этот новый народ

Так оформляются вертикальные диалогические отношения, которые можно представить в виде схемы:

Из схемы видно, что обращение к Богу есть условие и средство достижения помощи и спасения, в которых нуждается и паства, и проповедник.

Однако в ходе нашего анализа были выявлены и средства оформления горизонтальных диалогических отношений, когда проповедник «как бы выходит» из паствы и принимает роль наставника. При реализации горизонтальных отношений местоимение *мы* теряет семантику инклюзивности (как в приведенных выше примерах), и, напротив, приобретает значение эксклюзивности: проповедник не включает себя в «состав» паствы, подразумевая под наименованием *мы* служителей Церкви:

*Поэтому ежедневная молитва друг за друга не должна быть просто перечислением имен – это **мы** в церкви перечисляем имена ваши, **мы** ведь не знаем, за кого вы здесь молитесь. А когда **вы** молитесь сами за своих близких, друзей, родных, за тех, кто нуждается – молитесь по-настоящему, с такой же настойчивостью, с какой стремились вот те родственники или друзья расслабленного попасть в дом к Господу.*

Схематично этот тип отношений можно изобразить следующим образом:

Проповедник(-и) → Паства;

2) случаи употребления различных обращений, в целом характерных для жанра проповеди, см.:

*И вот, **дорогие мои**, мне хотелось бы, чтобы Рождественский пост был для вас не только временем воздержания, а временем приготовления;*

*Поэтому будем, **братья и сестры**, трудиться, не лениться, за всё Бога благодарить...*

Обращения в текстах проповеди выполняют в большей степени экспрессивную функцию, чем апеллятивную;

3) еще одним лексическим средством диалогичности служат слова-акцентураторы, призванные активизировать внимание реципиента, заострить их внимание на каких-либо деталях повествования:

***Заметьте**, Господь говорит, что Судья собирает все народы, все языки, это значит, что люди могут быть и язычниками, и неверующими, но по совести своей каждый человек этот закон знает.*

***Вот видите**, как всё просто, но трудно для исполнения.*

***Заметьте**, что он сказал «наследовать». Что это значит? Мы наследуем то, что нам принадлежит по праву, что нам обещано, заведено. **Значит**, кто-то завещал нам и обещал нам жизнь – не такую, какая у нас есть, а жизнь вечную, полную, прекрасную!*

***Обратим внимание** на эти слова: «Иисус, видя веру их...» – даже не веру этого больного, который, может быть, находился в состоянии бессознательном, может быть, он и никакой веры-то не имел, а лежал, как бревно, но веру тех, кто пришел и кто с большим трудом доставил его к Господу и др.*

2. Синтаксические средства. К таким средствам диалогичности в текстах проповеди относим:

1) призывные конструкции:

Будем же торопиться собирать сокровища в сердце своем сейчас.

2) экспрессивные конструкции, организованные по типу восклицания:

Неужели мы придем к вечности — с пустой душой, с душой, в которой искорки Божией нет? Да не будет этого! (АМ-4);

Так вот, «не помолимся фарисейски, братие»! (ДС-40) и др.

Речевые средства репрезентации диалогичности в тексте нравоучительной проповеди.

К речевым средствам выражения диалогичности отнесены вопросо-ответные и экспланативные комплексы, а также специфическое устройство композиции нравоучительной проповеди.

Вопросо-ответные комплексы относятся к частотным средствам воплощения взаимодействия коммуникантов в жанре нравоучительной проповеди, что связано с диалогической природой этих средств.

Экспланативные комплексы возникают в проповеди, когда проповедник считает необходимым объяснить, растолковать, конкретизировать своим слушателям важные терминологические религиозные сочетания или слова, имеющие концептуальное значение для понимания содержания раскрываемой в проповеди темы. Например:

И сидит там путник с посохом, по одежде иудей, по говору тоже, и говорит ей: «Дай мне напиток». Дай напиток, — потому что колодец глубокий, а у нее кувшин с веревкой. А она знает, что между иудеями и самарянами была многовековая вражда, такая сильная, что считалось зазорным пить из одного ковша, как у нас со старообрядцами, — они не пьют вместе с никонианами, то есть с нами, православными. И когда мне приходилось бывать в тайге у старообрядцев, они всегда мне давали отдельную чашку, она называлась у них поганой, хотя она была чистой и приготовленной для гостей. Поганой — значит языческой, для иноверцев. Так вот, эта самарянка удивилась: «Как же ты, иудей, просишь у меня пить из моего сосуда?» А Он ей сказал: «Ты мне дай этой воды, а Я тебе дам воды живой, такой воды, которую один раз выпив, ты никогда не будешь жаждать»

Осмысляя категорию диалогичности в виде полевой структуры, мы не включаем в нее композиционно-смысловую организацию, поскольку последняя представляет собой не отдельное средство (единицу), а целую содержательно-структурную систему, т.е. объединяет все языковые и речевые средства, используемые автором проповеди для достижения ключевой интенции. Но поскольку композиционно-смысловое оформление текста создается автором с ориентацией на адресата и с целью лучшего понимания последним сути излагаемых проповедником положений, рассматриваем композиционно-смысловую организацию проповеди в качестве средства реализации именно диалогичности.

Анализ показал, что наиболее частотными единицами выражения диалогичности выступает такое языковое средство, как местоимение *мы* и производные от него единицы, обозначающие совокупность деятелей. Всего

выявлено 570 таких единиц, что составляет 60 % от общего числа единиц выражения диалогичности. В силу многочисленности это средство составляет **ядерную зону** функционально-семантического поля категории диалогичности.

Все остальные ядерные средства относятся к речевым, среди которых вопросо-ответные комплексы – 230 случаев, или 24 % от общего числа единиц выражения диалогичности.

Зону ближайшей периферии составляют также речевые средства, как-то:

- 1) призывные конструкции – всего выявлено 28 единиц, или 3 %;
- 2) восклицания – всего 30 единиц, или 3 % от общего числа;
- 3) слова-акцентуаторы – всего 28 единиц, или 3 %;
- 4) экспланативные комплексы – 43 единицы, или 4,5 % от общего числа

единиц выражения диалогичности.

В **зону дальней периферии** входят такие языковые средства, как обращения – общее количество 18 употреблений, или 1,9 % от всех средств выражения диалогичности.

Полевая структура категории диалогичности представлена на рис. 3.

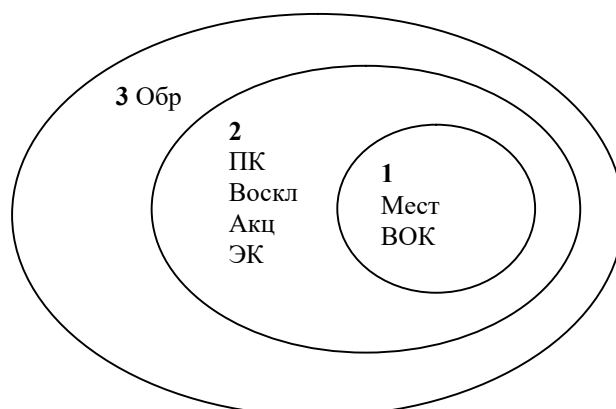

Рис. 3. Полевая структура категории диалогичности.

Обозначения: 1 – ядерная зона, 2 – зона ближайшей периферии,

3 – зона дальней периферии.

Мест – местоимение *мы*, ВОК – вопросо-ответные комплексы,

ПК – призывные конструкции, Воск – восклицания, Акц – слова-акцентуаторы,

ЭК – экспланативные комплексы; Обр – обращения

Таким образом, единство средств экспликации диалогичности, оценочности и тональности представляет собою **структурно-смысловую систему воплощения** в тексте **интенциональности** как основного авторского коммуникативного намерения, актуального для речевого жанра *нравоучительная проповедь*. Структурно-смысловая система единиц и приемов реализации в тексте проповеди глобальной и частных интенций проповедника была рассмотрена нами как **сетка** разнообразных, выраженных явно и неявно (т.е. «вшитых» в контекст), **ценностных смыслов**, необходимых для реализации поставленных проповедником коммуникативных задач.

В **Заключении** представлены основные результаты исследования, а также намечены перспективы дальнейших научных поисков.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Хазанжи Е.И., Щукина И.Н. Корреляция отбора тематических номинаций и адресности в текстах религиозного стиля // Медианализы. 2011. № 4 (45). С. 49–55
2. Хазанжи Е.И., Щукина И.Н. Средства воздействия в православном дискурсе // Вестник Пермского университета «Российская и зарубежная филология». 2014. Вып. 1 (25). С. 36–47.
3. Герман Е.И. Дидактическая тональность и ее реализация в текстах проповедей А. Меня // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 24–36.

Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций:

5. Хазанжи Е.И. Функционирование сложноподчиненных предложений в телевизионных проповедях (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Пермь, 15–17 апреля 2010 г.). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. С. 124–127.
6. Хазанжи Е.И., Щукина И.Н., Кнап Ж. Функционирование сложноподчиненных предложений в телевизионных проповедях (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Медиа. Демократия. Рынок: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга. СПб.: Астерион, 2010. С. 224–229.
7. Хазанжи Е.И. Тематические номинации как средство развертывания текста (на материале богословского труда о. Александра Меня) // Прикамский народный Собор памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла: сб. материалов XII Прикамского народного Собора памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей русских, и 4-й краевой науч.-практ. конф. «Язык и духовность» (г. Пермь, 14–24 мая 2010 г.). Пермь: РПК «Мастер-Флок», 2010. С. 25–31.
8. Хазанжи Е.И. Манипуляция в текстах религиозного стиля // Речеведение: современное состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею М.Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. С. 311–314.
9. Хазанжи Е.И., Щукина И.Н. Обусловленность отбора тематических номинаций коммуникативной направленностью высказывания (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, протоиерея Димитрия Смирнова) // Стилистика сегодня и завтра: Медиаатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: тез. материалов междунар. науч. конф. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 121–123.
10. Хазанжи Е.И. Функциональные особенности религиозного дискурса // Прикамский народный Собор памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла: сб. материалов XIII Прикамского народного Собора памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей русских, и 4-й краевой науч.-практ. конф. «Язык и духовность» (г. Пермь, 9–24 мая 2011 г.). Пермь: РПК «Мастер-Флок», 2011. С. 61–65.
11. Хазанжи Е.И. Идеологемы в реализации интенциональности религиозного текста // Медиаатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. С. 220–224.

12. Хазанжи Е.И. Специфика функционирования религиозного дискурса // Филологические проекции Большого Урала: материалы рег. студ. конф. (г. Пермь, 28–30 ноября 2012 г.). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. С. 95–99.

13. Хазанжи Е.И. Оценка в православной проповеди (на материале проповедей протоиерея Димитрия Смирнова и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. Вып. 16. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. С. 148–154.

14. Хазанжи Е.И. Образ адресата в религиозном дискурсе // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы четвёртой Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 24 апреля 2013 г.). Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. 2013. С. 462–466.

15. Герман Е.И. Категории диалогичности и адресности в текстах религиозного стиля // Стилистика сегодня и завтра: материалы Третьей междунар. науч. конф. Ч. II. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 85–89.

16. Герман Е.И. Функционирование идеологем в религиозных текстах (на материале православных проповедей) // Майские чтения (язык и репрезентация культурных кодов): материалы XI Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых (г. Самара, 13–15 мая 2021 г.). Самара: Самарский университет, 2021. С. 8–14.